

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Научная статья

УДК 332.1(985)

doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.001

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ 2014 И 2021: ВОЗМОЖНА ЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРИ СМЕЩЕНИИ ПРИОРИТЕТОВ? ЧАСТЬ 1

**Александр Дмитриевич Волков¹, Наталья Андреевна Рослякова²,
Евгений Александрович Каневский³, Кирилл Кириллович Боярский⁴**

^{1, 2}Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова Российской академии наук, Москва, Россия

¹kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483

²na@roslyakova24.ru, ORCID 0000-0002-7511-2141

³Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, eak300@mail.ru, ORCID 0000-0002-1498-4632

⁴Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», Санкт-Петербург, Россия, boyarin9@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0306-8276

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформаций стратегических документов развития российской Арктики в аспектах ценностного и функционального наполнения. Актуальность работы определяется необходимостью обеспечения сбалансированности, преемственности и завершенности регулятивных воздействий в рамках стратегического управления развитием арктического макрорегиона в период трансформации его институциональных основ. Цель — выявление особенностей трансформации и преемственности смыслов в стратегических документах развития Арктической зоны Российской Федерации в аспектах ценностного и функционального наполнения. Информационной основой исследования являются указанные документы стратегического планирования. Используются методики семантического и контент-анализа с применением аналитических возможностей системы «ДИСКАНТ (Вега)», парсера SemSin и утилиты Stalker. В рамках анализа степени расхождения семантического содержания применен коэффициент Брея — Кёртиса. Проведен углубленный компаративный анализ стратегических и программных документов, принятых в рамках первой (2008–2014 гг.) и второй (2020–2021 гг.) волн законоотворчества. Определены основные и вторичные трансформации в ценностно-смысловом и функциональном (мероприятия) содержании, а также аспекты их преемственности в логике социально-экономического развития. Особенностью трансформационных изменений в рамках мероприятий является расширение перечня их отдельных форм в приоритетных сферах, таких как «обеспечение безопасности», «государственная поддержка экономических субъектов» и «привлечение инвестиций». Выявлена сонаправленность в области повышения внимания к «безопасности» в ее военном и государственном аспектах как в рамках ценностей, так и в рамках мероприятий. В ряде сфер наблюдается определенная рассогласованность между динамикой упоминания ценностей и мероприятий. Научная новизна полученных результатов определяется глубиной и качеством анализа ценностно-смыслового аспекта в рамках трансформации стратегических документов развития российской Арктики, практическая ценность заключается в формировании аналитических возможностей для совершенствования программных и стратегических документов, обеспечения завершенности и системности регулятивных воздействий. В продолжении исследования будут рассмотрены аспекты внутренней и динамической согласованности стратегических документов по целям, мероприятиям и эффектам.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, стратегия Арктики, стратегические цели, ценности, мероприятия, семантический анализ, контент-анализ

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 24-78-10166 «Моделирование цифровой трансформации управления пространственным развитием Российской Арктики в условиях неравновесной динамики регионов» (<https://rscf.ru/project/24-78-10166/>).

Для цитирования: Арктические стратегии России 2014 и 2021: возможна ли преемственность при смещении приоритетов? Часть 1 / А. Д. Волков [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 7–25. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.001.

STRATEGY AND MECHANISMS FOR STATE POLICY IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN ARCTIC

Original article

RUSSIA'S ARCTIC STRATEGIES OF 2014 AND 2021: IS CONTINUITY POSSIBLE AMID SHIFTING PRIORITIES? (PART 1)

Alexander D. Volkov¹, Natalia A. Roslyakova², Evgeniy A. Kanevsky³, Kirill K. Boyarsky⁴

^{1, 2}V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483

²na@roslyakova24.ru, ORCID 0000-0002-7511-2141

³Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, eak300@mail.ru, ORCID 0000-0002-1498-4632

⁴ITMO University, Saint Petersburg, Russia, boyarin9@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0306-8276

Abstract. This article examines the transformation of strategic documents for the development of the Russian Arctic, focusing on their value and functional content. Ensuring balance, continuity, and comprehensiveness in the regulatory influence of Arctic macroregional strategic management is particularly relevant amid the ongoing transformation of institutional foundations. The primary aim of this study is to identify the specific nature of these transformations and assess the continuity of their core principles. The research analyzes the value and functional content of strategic development documents for the Russian Arctic Zone, using official strategic planning documents as its information base. The study employs semantic and content analysis methods, utilizing the analytical capabilities of the Discant (Vega) system, the SemSin parser, and the Stalker utility. To assess discrepancies in semantic content, the Bray-Curtis index is applied. A detailed comparative analysis is conducted on strategic and policy documents from the first (2008–2014) and second (2020–2021) waves of Arctic policy formulation. The study identifies primary and secondary transformations in the value-semantic and functional content of these documents, as well as aspects of their continuity in the broader framework of socio-economic development. A key feature of the transformations is the expansion of specific policy measures in priority areas, including "ensuring security," "government support for economic entities," and "attracting investments." Notably, there is a growing emphasis on "security" in both military and public contexts, reflected in both value frameworks and policy measures. However, in certain areas, discrepancies emerge between the evolution of value orientations and the dynamics of policy implementation. The scientific contribution of this study lies in its depth of analysis and the quality of its examination of the value-semantic dimension within the transformation of Arctic strategic documents. Its practical significance is evident in the improved analytical capabilities it provides for refining policy and strategic documents, ensuring a more comprehensive and systematic approach to regulatory interventions. Future research will focus on assessing the internal and dynamic consistency of strategic documents in terms of their goals, measures, and anticipated outcomes.

Keywords: Russian Arctic, Arctic strategy, strategic goals, values, activities, semantic analysis, content analysis

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation, project number 24-78-10166, "Digital Transformation Modeling for Spatial Development Management in the Russian Arctic Amid Regional Instability" (<https://rscf.ru/project/24-78-10166/>).

For citation: Volkov A. D., Roslyakova N. A., Kanevsky E. A., Boyarsky K. K. Russia's Arctic strategies of 2014 and 2021: Is continuity possible amid shifting priorities? (Part 1). *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 7–25. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.001.

Введение

Развитие Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) является одним из безусловных приоритетов государственной политики в последнее десятилетие. Об этом говорит существенная активизация разработки стратегических и программных документов развития арктического макрорегиона, наблюдаемая с 2008 г. За прошедшее время можно выделить две основных волны их принятия: 2008–2014 гг. и 2020–2021 гг. При этом длительность первой волны характеризуется определенным временным лагом

между принятием рамочных Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу и другими документами. По общепринятым в рамках государственного управления практикам, стратегические документы определяют общие направления, приоритеты и цели развития, а также механизмы их достижения, сроки реализации мероприятий и критерии оценки результативности при долгосрочном горизонте планирования (6–15 лет)¹ [1]. Достаточно длительный срок их реализации позволяет осуществить

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 июня 2014 года

№ 172-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102354386> (дата обращения: 06.10.2024).

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

процедуру «сонастройки» соответствующих стратегических документов на всех уровнях административно-управленческих структур и пространственной организации экономики, разработать соответствующую нормативно-правовую базу их претворения в жизнь.

Для АЗРФ необходимость выявления долгосрочных приоритетов, тщательность проработки и сонастройка механизмов их реализации особенно важны. Эта значимость определяется необходимостью планирования хозяйственной деятельности в условиях повышенных издержек и сроков реализации инвестиционных и инфраструктурных проектов, ограниченности трудовых ресурсов, сезонности проводимых работ, транспортной недоступности территорий, высокой зависимости арктических проектов от поставок импортного оборудования и технологий [2]. Для этого ряда условий отдельно следует отметить аспект геополитической и глобальной экономической стабильности, который, кроме комплекса макроэкономических эффектов, обуславливает уровень допустимой волатильности указанных условий.

Принятие стратегических и программных документов как первой (2008–2014 гг.), так и второй (2020–2021 гг.) волн совпало с началом периодов глобальной нестабильности и внешних шоков. В итоге условия, в которых данные документы разрабатывались и на контекст которых была рассчитана реализация их механизмов, существенно отличались от реальных, сложившихся в условиях геополитической турбулентности обстоятельств. Это определило трансформацию как приоритетов государственной политики, так и транслирующихся их стратегических документов. Несмотря на то, что исследователями достаточно подробно рассмотрены аспекты становления [3; 4], структурной организации [5] и эволюции [6; 7] программных документов, проанализирована их комплексность и непротиворечивость [8], один из ключевых аспектов остается неизученным. Таким аспектом является трансформация ценностно- и функционально-смыслового содержания документов, определяющих регулирующие сигналы для экономических агентов, а также их преемственность в долгосрочной перспективе, обуславливающая завершенность регулятивных воздействий. Указанный пробел в рассматриваемом предметном поле определяет постановку цели исследования — выявление особенностей трансформации и преемственности смыслов в стратегических документах развития АЗРФ в аспектах ценностного и функционального наполнения.

Для реализации указанной цели поставлены следующие задачи:

1) углубленный компаративный анализ стратегических и программных документов, принятых в рамках первой (2008–2014 гг.) и второй (2020–2021 гг.) волн законоотворчества. Сопоставление их ценностно- и функционально-смыслового содержания;

2) установление основных и вторичных трансформаций в ценностно-смысловом аспекте и управленческих сигналах, а также степени их преемственности в логике социально-экономического развития.

Научная новизна полученных результатов определяется глубиной и качеством анализа ценностно-смыслового и функционально-смыслового аспектов в рамках трансформации стратегических документов развития российской Арктики, а их практическая ценность — сформированными аналитическими возможностями для усовершенствования программных и стратегических документов развития АЗРФ, обеспечения завершенности и системности регулятивных воздействий.

Обзор литературы

Контент-анализ — это исследовательский метод, направленный на определение в текстах значимых смысловых конструкций и контекста их использования [9, с. 18]. M. Bengtsson выделяет четыре отдельных этапа в рамках процедуры контент-анализа:

— деконтекстуализация, в рамках которого выявляются элементарные смысловые единицы;

— реконтекстуализация, в ходе которого исключается информация, не связанная с выделенными на первом этапе смысловыми единицами;

— категоризация, предполагающая классификацию смысловых единиц и определение тематических связей между ними;

— компиляция как итоговый этап концентрации смыслового содержания анализируемого текста [10].

Применение контент-анализа при изучении информационных процессов в сфере государственного управления охватывает несколько основных предметных областей. Одним из ключевых и широко применимых является семантический анализ корпуса экспертных полуструктурированных интервью, посвященных аспектам управления [11; 12]. В последние годы данному подходу все чаще сопутствует привлечение дополнительных источников информации (от web-страниц до исследовательских работ, например [13]) для повышения обоснованности выводов. Наиболее быстро развивающейся областью контент-анализа в сфере исследования взаимодействия органов государственной власти и населения является анализ

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

семантического наполнения официальных страниц правительственных структур в социальных сетях [14–19]. Отмечается, что основными целями использования соцсетей государственными структурами являются повышение прозрачности деятельности, вовлечение граждан в процессы принятия решений [20], определение организационных форм управления [16], выстаивание доверительного управления [17], а также развитие человеческого капитала за счет повышения уровня технологической готовности [21]. При этом в рамках анализа обратной связи со стороны населения исследователи приходят к выводу, что взаимодействие государства и общества в социальных сетях не имеет характера критически осмысленного и обоснованного диалога, а опирается скорее на эмоционально обусловленные реакции, построенные на механизмах предвосприятия, что создает основу для манипуляций и противоречит принципам демократического управления [22; 23] (источник [24] определяет это как формирование дискурсивного фрейма, а, в сущности, речь идет о формировании новых нарративов восприятия смыслов).

В данном контексте стратегические документы как объект анализа имеют совершенно другую природу с точки зрения информационного наполнения и функционала. Они являются логически и юридически выверенными инструментами, ориентированными не на эмоциональную реакцию, а на создание аналитических и нормативных основ соорганизации субъектов и процессов управления, что, однако, не лишает стратегические документы ценностно-смыслового наполнения. Практика анализа документов стратегического планирования охватывает анализ структуры и содержания документов [25; 26], компаративный анализ в разрезе сфер применения и территорий [27], тематическое и смысловое наполнение [28], аспекты сочетаемости и системности документов [29; 30], а также представленность отдельных тематик [31]. Причем данный анализ может быть как статического, так и динамического характера. В исследовании Guo et al. [32] анализируются как аспекты представления стратегических документов, такие как удобство чтения и качество изложения информации (на базе анализа количества слов в предложениях, среднего числа предложений в абзаце, частоты употребления специальной терминологии, наличия визуализации и ряда других параметров), так и содержательные аспекты: прослеживается связь между набором и частотой затрагиваемых тематик и пространственными особенностями территорий, а также динамикой тематического наполнения документов с течением времени [32]. В работе Wang et al. представлены методика и инструментарий оценки согласованности документов различного ведомственного подчинения

в сфере управления отходами (электрическое и электронное оборудование). На основе процедур с использованием трехмерной структуры семантического анализа была выявлена выраженность указанной проблематики в отдельных документах, а также проблемы, снижающие эффективность регулятивных воздействий в рамках законодательного обеспечения и нормативных актов ведомств и учреждений (недостаточная согласованность деятельности ряда правительственных департаментов и отсутствие целевого планирования) [33]. В работе Liu et al. [34] применение технологии интеллектуального анализа текста и модели индекса согласованности моделирования политики (Policy Modeling Consistency (PMC) index model) позволило авторам провести оценку регулятивных документов различной ведомственной принадлежности и уровня на предмет продольной и горизонтальной согласованности. В частности, авторами выявлено, что в рамках объекта исследования наблюдается высокий уровень согласованности политик местных органов власти с центральным правительством, в то время как межуровневое сравнение показывает значительное отставание местного законодательства от центрального по показателю горизонтальной согласованности, что позволяет говорить о значительном неравенстве в способности местных органов власти разрабатывать политику [34].

В ряде работ на основе семантического анализа законодательных актов и материалов судебных дел разрабатываются системы прогнозирования судебных решений [35; 36]. Так, в работе Aletras et al. обосновывается влияние не только фактологического наполнения, но и тематического содержания дела на вероятность того или иного судебного решения [35]. В исследовании Z. Liu & H. Chen [37] провели сравнение различных моделей машинного обучения (искусственная нейронная сеть, логистическая регрессия, bootstrap-агрегирование, метод случайного леса и вычисление опорных векторов), используемых в прогнозировании судебных решений и выявили превосходство модели вычисления опорных векторов по всем основным параметрам [37]. Значительный потенциал, сформированный в этой области семантического анализа, и расширение предметной области его применения, например [38], позволяют говорить об определенных перспективах его использования в сфере оценки ожидаемой результативности стратегических и программных документов.

При всем многообразии технических средств и методических подходов к анализу стратегических документов и законодательных актов, которое демонстрирует мировая научная литература, лишь малая часть их методического потенциала нашла свое

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

применение в рамках исследований в предметном поле российского арктического законодательства. Так, например, В. В. Фаузер отмечает смещение акцентов с территорий Севера в сторону территорий Арктики, наблюдаемое в стратегических документах до и после 2014 г. [39]. В работе Р. А. Гресья, Б. С. Жихаревича и Т. К. Прибышина [40] осуществлено сопоставление выраженности первичных элементов арктической специфики и оценки адекватности ее учета в стратегиях муниципальных образований Арктической зоны России и предложена соответствующая методика анализа. В исследовании В. И. Блануцы [8] на основе сопоставления положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года и данных об экономической специализации арктических территорий делается вывод о недостижимости целей пространственного развития в результате реализации мероприятий, перечисленных в двух стратегиях, в частности, опровергается возможность формирования единого арктического макрорегиона [8]. В работе Н. А. Росляковой и соавторов [27] представлен методический инструментарий, позволяющий проводить содержательный анализ с выделением и концентрацией смысловых конструкций в рамках документов стратегического планирования. Исследователями выявлено, что стратегии северных регионов являются гораздо более сбалансированными и комплексными по закладываемым ценностям, чем стратегии южных регионов. Однако, при анализе семантических конструкций мероприятий и эффектов от реализации для северных регионов, мы видим значительную асимметрию смыслов, сконцентрированных в области занятости и трудоустройства [27].

Несмотря на существующие научные заделы, до настоящего времени остаются совершенно не изученными аспекты трансформации и преемственности ценностно-смысловых и функционально-смысловых ориентиров и управленческих сигналов в стратегических документах развития Арктической зоны Российской Федерации. Данные аспекты имеют исключительно важное значение для оценки последовательности в стратегическом целеполагании. Данные вопросы формируют предметное поле представленной статьи.

Методология

Информационной основой исследования являются документы стратегического планирования, определяющие цели и приоритеты социально-экономического развития АЗРФ. Эти документы разделены нами на две группы — принятые в период

2008–2014 гг. (документы первой волны) и в период 2020–2021 гг. (документы второй волны).

В первую группу входят три документа (принятые в период 2008–2014 гг.): «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

Во вторую группу входят соответствующие документы, принятые после 2020 г.: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» и государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». Первая группа документов содержит более 30 тысяч слов и около 280 тысяч знаков, вторая — 18 тысяч слов и более 150 тысяч знаков. Эти отличия обуславливают использование в дальнейшем анализе нормированных значений частот для того, чтобы нивелировать различия, обусловленные объемом документов.

Работа с информационной основой и реализация задач исследования опираются на использование методик семантического и контент-анализа, аналитических возможностей системы «ДИСКАНТ (ВЕГА)», парсера SemSin и утилиты Stalker [41; 42].

На первом этапе анализа формируются алфавитные и частотные словари стратегических документов обеих волн. В рамках второго этапа осуществляется синтаксический и семантический разбор текстов документов обеих волн для выявления значимых смысловых словосочетаний (N-грамм), на основе которых возможно получить предварительные оценки смысловых трансформаций, происходящих в документах. Осуществляется сопоставление частоты упоминания N-грамм по нормированному показателю «число упоминаний на миллион слов» (“instance per million, ipm”) [42].

На третьем этапе на основе заданных шаблонов N-грамм и с учетом смыслов, идентифицируемых по ключевым словам-маркерам, отбираются словосочетания, которые формируют группы ценностных и функциональных (по мероприятиям) смыслов документов. Их анализ позволяет уточнить и конкретизировать отмеченные на предыдущем этапе трансформации содержания документов. Различные словосочетания (N- и биграмм), объединенные общим смыслом, формируют отдельные ценности или группы мероприятий.

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Каждое отдельное словосочетание при этом является формой представления той или иной ценности или группы мероприятий.

На четвертом этапе осуществляется оценка первичных и вторичных трансформаций в ценностных и функциональных аспектах на основе частных и общих коэффициентов Брея — Кёртиса (меры несхожести) и качественного анализа. При этом трансформационные изменения первого порядка (первичные) отражают представленность отдельных групп мероприятий или ценностей в программных документах первой и второй волн. Трансформационные изменения второго порядка (вторичные) обусловлены изменением набора

и частоты упоминания отдельных форм представления ценностей или мероприятий в программных документах первой и второй волн.

Результаты

На первом этапе рассмотрим частоту употребления отдельных слов в рамках программных документов первой и второй волн. В табл. 1 приведены примеры наиболее частотных слов (слова с частотой более 3 400 упоминаний на 1 млн слов)² в виде лемм (существительных и прилагательных в именительном падеже единственного числа, глаголов — в инфинитиве; здесь и далее леммы выделены прописными буквами).

Таблица 1

Топ частотных словарей документов разных периодов

Документы первой волны	Частота, ipm	Документы второй волны	Частота, ipm
РОССИЙСКИЙ	24 504	РОССИЙСКИЙ	30 400
ФЕДЕРАЦИЯ	23 764	ФЕДЕРАЦИЯ	30 047
ЗОНА	18 322	АРКТИЧЕСКИЙ	19 051
АРКТИЧЕСКИЙ	17 291	РАЗВИТИЕ	18 346
РАЗВИТИЕ	14 876	ЗОНА	16 288
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ	7 728	ГОСУДАРСТВЕННЫЙ	9 702
ОБЕСПЕЧЕНИЕ	7 116	РЕАЛИЗАЦИЯ	9 467
РЕАЛИЗАЦИЯ	6 150	АРКТИКА	8 232

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

Сопоставляя результаты, представленные в табл. 1, можно заключить, что в документах второй волны среди наиболее упоминаемых слов отсутствуют такие леммы, как: ПРОГРАММА, МЕСТОРОЖДЕНИЕ, ОПОРНЫЙ, ОСВОЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ФОРМИРОВАНИЕ, СЕВЕРНЫЙ, ТРАНСПОРТНЫЙ и ОБЛАСТЬ. С другой стороны, появляются новые понятия: СУБЪЕКТ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ИЗМЕНЕНИЕ, ФЕВРАЛЬ, ЦЕЛЬ, ИНФРАСТРУКТУРА, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, СТРАТЕГИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВО, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и МУНИЦИПАЛЬНЫЙ. Можно сделать вывод (правда, пока очень осторожный), что со временем возрос интерес к экономике и инфраструктуре, к национальной стратегии и муниципальной деятельности. Однако это слишком неопределенно и пока мало что дает нам для понимания сути трансформационных процессов, протекающих в рамках эволюции стратегических документов.

На следующем этапе из частотных словарей были отобраны значимые по смыслу (исключая служебные) слова, которые отсутствуют в противоположном столбце или частота появления

которых более чем в 2 раза превышает частоту той же леммы в противоположном столбце, что позволяет оценить смещение в смыслах. Имеет место два вида трансформаций: трансформация сохраняющегося в своей сути смысла и появление новых/исчезновение старых смыслов. Так, например, смысл добычи природных ресурсов сохраняется, но происходит его трансформация: от ископаемых ресурсов (уголь, золото) и углеводородного сырья в сторону газа (газ, газовый, шельф). То есть имеет место приоритизация добычи данного вида ресурсов. Аналогично в документах первой волны выделяется значение рынка, а в документах второй — государственного управления и бюджетных отношений; в области стимулирования экономического роста происходит трансформация, связанная с переходом от инновационно-технологических факторов в сторону информационных (цифровых).

Далее с применением анализатора текста SemSin [42] были выявлены биграммы по шаблону «прилагательное + существительное» и «существительное + существительное в родительном

² Полный список наиболее употребляемых N-грамм представлен на ресурсе — URL: https://roslyakova.do.am/Analit_zapisli/Table_SiR_15112024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

падеже». Выявление биграмм позволяет глубже и конкретнее интерпретировать трансформацию смыслов, выявленную в общих контурах на предыдущем этапе. Мы видим, что в документах второй волны большее внимание обращается на национальные интересы. При этом исчезает понятие «опорная ЗОНА», что свидетельствует об изменении планируемого способа пространственной организации хозяйственных систем арктических регионов. Сохраняется интерес к Северному морскому пути (СМП). Состав пяти первых по встречаемости

биграмм «существительное + существительное в родительном падеже» практически не изменился (исчезла «РЕАЛИЗАЦИЯ проекта» и появился «УКАЗ Президента» при сохранении остальных четырех), в то время как в составе второй пятерки все биграмм различны. Для получения более отчетливой картины отличий документов первой волны от второй выделим из текстов более длинные сочетания слов — N-граммы. Наиболее употребляемые из них можно видеть в табл. 2³.

Таблица 2

Наиболее употребляемые N-граммы

N-граммы	Частота, ipm	
	Первая волна	Вторая волна
РАЗВИТИЕ Арктической зоны Российской Федерации	3 488	2 915
Северный морской ПУТЬ	2 067	2 145
ТЕРРИТОРИЯ Арктической зоны Российской Федерации	1 357	1 980
Государственная ПОЛИТИКА Российской Федерации в Арктике	840	1 760
АКВАТОРИИ Северного морского пути	129	1 265
Социально-экономическое РАЗВИТИЕ Арктической зоны Российской Федерации	1 970	1 210
Государственная ПРОГРАММА Российской Федерации	1 647	1 045

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

Здесь мы видим, что в документах второй волны увеличивается роль Северного морского пути, значимо более выраженное внимание уделяется аспектам национальной безопасности и национальным интересам Российской Федерации. Повышается значение таких институтов развития АЗРФ, как Государственная комиссия по вопросам развития Арктики и Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Усилился интерес к вопросам добычи и транспортировки природного газа, возникновению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, инвестициям в основной капитал и капитальному строительству, а также к бюджетам субъектов Российской Федерации. При этом аспектам, связанным с коренными малочисленными народами, месторождениями твердых полезных ископаемых и водными биологическими ресурсами, стало уделяться гораздо меньшее внимание, а понятия, связанные с акционерными обществами и опорными зонами развития Арктики, полностью исчезли из программных документов. Последнее обуславливается сворачиванием подпрограммы опорных зон развития Арктики и ее отсутствием в актуальных редакциях стратегических документов.

Трансформация ценностей в стратегических документах развития Арктики

С целью анализа произошедших трансформаций в ценностных ориентирах и планируемых мероприятиях в рамках перехода от документов первой к документам второй волны нами были выявлены соответствующие биграмм и N-граммы, идентифицируемые по ключевым словам-маркерам. Первичный анализ показал, что в рамках рассмотрения ценностей более информативным оказывается анализ биграмм, а в рамках анализа мероприятий — N-грамм. Это обусловлено их структурными особенностями: ценности, как правило, характеризуются более общими фразами, включающими объект и предмет, а мероприятия — более конкретизированными смысловыми конструкциями, включающими предмет, объект и необходимое действие. В дальнейшем соответствующие ценностям и мероприятиям би- и N-граммы были сгруппированы по смысловому сходству в 14 и 56 групп соответственно (примеры группировки по отдельным смыслам представлены на ресурсе⁴).

Оценим трансформационные изменения в ценностях в рамках программных документов. Эти изменения прослеживаются, во-первых, в том,

³ Полный список наиболее употребляемых N-грамм представлен на ресурсе — URL: https://roslyakova.do.am/Analit_zapisli/Table_SiR_151_12024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ Биграмм, выражающие ценность «безопасность», представлены на ресурсе — URL: https://roslyakova.do.am/Analit_zapisli/Table_SiR_151_12024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

насколько изменилась представленность отдельных ценностей в стратегических документах первой или второй волны (определяется через относительную частоту упоминания в документах биграмм, соответствующих данной ценности); во-вторых, в содержательном наполнении каждой из выделенных

ценностей различными формами представления (определены нами через качественный состав биграмм, выражающих ту или иную ценность). Перечень ценностей и соответствующие указанным аспектам значения частных и общих коэффициентов Брея — Кёртиса представлены в табл. 3.

Таблица 3

Ценности в рамках стратегических документов развития российской Арктики

Ценности	Первая волна, ipm	Вторая волна, ipm	Коэффициент Брея — Кёртиса второго порядка (частный)
Безопасность	6 147	8 587	0,33
Образование	1 608	2 116	0,44
Жизнь	1 514	2 116	0,23
Стратегический интерес	419	764	0,67
Доступность	193	705	0,57
Традиционный образ	97	235	0,42
Культура	128	118	1,00
Здоровый образ	64	118	0,30
Гражданское общество	451	0	1,00
Стратегический приоритет	258	0	1,00
Доход	225	0	1,00
Труд	194	0	1,00
Сохранение образа	64	0	1,00
Занятость	64	0	1,00
Коэффициент Брея — Кёртиса первого порядка (общий)			0,22

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

Как мы видим, общая представленность ценностей изменилась умеренно, соответствующее значение общего коэффициента Брея — Кёртиса составляет 0,22. Несмотря на исчезновение ряда относительно менее выраженных ценностей, таких как «гражданское общество», «доход», «труд», «занятость», основные ценности («безопасность», «образование», «жизнь») остались прежними, а их представленность в документах увеличилась. Наибольший относительный рост представленности показали ценности «доступность», «традиционный образ», «интерес» и «безопасность».

В рамках трансформаций второго порядка (содержательное наполнение каждой из выделенных ценностей различными формами представления) следует отметить преобладающую тенденцию сокращения форм представления по большинству ценностей, а также определенное смещение акцентов. Среди сохранившихся наибольшие изменения затронули такие ценности, как «культура», «стратегический интерес», «доступность», «образование». Умеренные изменения прослеживаются в рамках форм представления таких ценностей, как «традиционный образ», «безопасность», «здоровый образ».

Рассмотрим трансформации, произошедшие в рамках отдельных ценностей. Ключевое внимание

уделим основным по упоминаемости (см. табл. 3). Так, для ценности «безопасность» более чем в два раза увеличилось упоминание форм «обеспечение безопасности», «безопасность Федерации». Также возросло употребление форм «национальная безопасность» и «национальный интерес». Появились такие формы, как «общественная безопасность» и «пожарная безопасность». В то же время практически или полностью исчезло из стратегических документов второй волны упоминание таких форм, как «комплексная безопасность», «международная безопасность», «энергетическая безопасность», «гидрометеорологическая безопасность», «радиационная безопасность», а также блок форм, относящихся к безопасности в сфере логистики («безопасность судоходства», «безопасность маршрута», «безопасность перевозки»). Сократилось упоминание «экологической безопасности». Можно говорить о тенденции сокращения разнообразия форм представления ценности «безопасность» в первую очередь за счет ее частных проявлений в отдельных сферах жизнедеятельности общества и определенной концентрации упоминания в рамках основных форм, связанных с национальной безопасностью.

В рамках упоминаний ценности «образование» сохранились примерно на прежнем уровне формы,

относящиеся к его основным видам, — «система образования», «развитие образования», «профессиональное образование», «высшее образование», «среднее образование», а также появились такие формы, как «общее образование», «дополнительное образование», «качественное образование». В то время как исчезли формы, относящиеся к различным частным аспектам и характеристикам процесса образования и обучения: «многоуровневое образование», «непрерывное образование», «специальное образование», «профессиональное обучение», «дистанционное обучение», «средство обучения» и т. д. В целом можно говорить о снижении разнообразия форм упоминания ценности «образование» и сокращении их описательного характера. Происходит концентрация и инструментализация форм упоминания данной ценности в первую очередь в русле основных институционализированных уровней образования.

Относительно небольшие трансформации произошли в составе форм упоминания ценности «жизнь». Единственной исчезнувшей формой явилась относительно малоупотреблявшаяся в рамках документов первой волны форма «уровень жизни». В то время как более чем в 7 раз возросло упоминание формы «продолжительность жизни», более чем в 2 раза — формы «образ жизни» и в 1,8 раза — формы «жизнь народа». На прежнем уровне осталось употребление наиболее значимых по числу упоминания форм «качество жизни» и «жизнь населения». Можно говорить об общем сохранении смыслов, заложенных в рамках данной ценности, и некотором смещении акцентов от уровня жизни в сторону ее продолжительности.

Достаточно сильные трансформационные изменения коснулись форм выражения ценности «стратегический интерес» (в значении национальный, государственный). Мы видим, что в 3–4 раза увеличилось упоминание таких форм, как «интерес Федерации» и «защита интереса», но в то же время практически исчезло употребление форм «реализация интереса» и «стратегический интерес». Следует отметить, что анализ употребления форм, связанных с данной ценностью, в стратегических документах первой и второй волн говорит как о возросшем внимании, уделяемом национальным интересам, так и об определенном приоритете защиты этих интересов.

Среди относительно менее представленных в стратегических документах ценностей мы видим, как правило, более высокие значения коэффициента Брея — Кёртиса, что обусловлено, с одной стороны, меньшим количеством употребляемых форм, с другой стороны, их сменой в рамках документов двух волн. Таким образом, даже одна-две различных формы значительно увеличивают меру несходства в рамках

той или иной ценности из указанного числа. Так, например, значительно трансформировались формы упоминания ценности «культура». Формы «культурное взаимодействие» и «сохранение культуры», исчезнув, уступили место форме «культурное наследие», по частоте упоминаний в документах второй волны практически равной сумме упоминаний двух исчезнувших форм в документах первой волны.

Трансформация предполагаемых мероприятий в стратегических документах развития российской Арктики

Трансформационные изменения в предполагаемых мероприятиях, так же как и в рамках ценностей, наблюдаются, во-первых, в аспекте частоты упоминания мероприятий, относимых к той или иной группе, а во-вторых, в разрезе содержательного наполнения каждой из выделенных групп мероприятий. Оба этих аспекта отражены в табл. 4, где приведены оценки значения коэффициентов Брея — Кёртиса первого и второго порядков соответственно.

Мы видим, что общий состав и упоминаемость мероприятий изменились в значительно большей степени, чем ранее рассмотренные ценности. Соответствующее значение коэффициента Брея — Кёртиса составляет 0,44, что говорит о достаточно выраженном расхождении групп мероприятий в документах первой и второй волн. Так же как и при анализе ценностного наполнения, мы видим, что общее количество групп упоминаемых мероприятий сократилось в рамках документов второй волны при росте частоты упоминания мероприятий, относимых к нескольким основным группам. К таким группам можно отнести «обеспечение безопасности», «реализацию проектов», «государственную поддержку», «создание инфраструктуры» и «привлечение инвестиций». Наибольший относительный рост представленности среди основных групп мероприятий наблюдается в «привлечении инвестиций», «создании рабочих мест», «государственной поддержке». Появились и стали достаточно выраженными группы мероприятий «медицинская помощь» и «социальное развитие». В то же время сократилась представленность мероприятий, относимых к группам «освоение месторождений», «сохранение природной среды», «строительство флота» и «международное сотрудничество». Исчезли или практически не упоминаются мероприятия групп «создание оборудования», «обеспечение экономического развития», «создание научно-технического задела», «совершенствование нормативной базы», «энергосбережение и ВИЭ», «сохранение культуры», «создание опорных зон», «обеспечение перевозок», «развитие судостроения» и «расширение ресурсной базы» (см. табл. 4).

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Таблица 4

Группы предполагаемых мероприятий в рамках стратегических документов развития российской Арктики

Группы мероприятий	Первая волна, ipm	Вторая волна, ipm	Коэффициент Брея — Кёртиса второго порядка (частный)
Обеспечение безопасности	2446	6350	0,49
Реализация проектов	2253	4175	0,45
Государственная поддержка	225	1410	1,00
Создание инфраструктуры	903	1237	0,71
Привлечение инвестиций	64	883	1,00
Освоение месторождений	2963	765	0,65
Создание условий	709	765	0,45
Реализация госполитики	708	764	0,13
Освоение территорий	741	706	0,70
Использование технологий	867	588	0,78
Создание рабочих мест	64	471	0,76
Создание ИТ-инфраструктуры	289	412	1,00
Медицинская помощь	0	412	1,00
Социальное развитие	0	412	1,00
Сохранение природной среды	771	411	0,46
Аварийно-спасательная деятельность	64	353	1,00
Рациональное использование ресурсов	129	294	0,39
Судоходство и использование СМП	258	236	1,00
Строительство флота	515	235	0,49
Международное сотрудничество	354	118	1,00
Обеспечение российского присутствия	161	118	0,54
Совершенствование образования	128	118	1,00
Региональные мероприятия	128	118	0,48
Создание оборудования	740	0	1,00
Обеспечение экономического развития	354	0	1,00
Создание научно-технического задела	321	0	1,00
Совершенствование нормативной базы	257	0	1,00
Энергосбережение и ВИЭ	225	0	1,00
Сохранение культуры	192	0	1,00
Создание опорных зон	161	0	1,00
Обеспечение перевозок	161	0	1,00
Развитие судостроения	161	0	1,00
Расширение ресурсной базы	128	0	1,00
Коэффициент Брея — Кёртиса первого порядка (общий)			0,44

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

В рамках рассмотрения трансформационных изменений второго порядка — в составе мероприятий внутри выделенных групп — следует отметить ту же тенденцию, которую мы наблюдали при рассмотрении ценностей, — сокращение числа отдельных мероприятий, составляющих группы. При этом значения коэффициента Брея — Кёртиса для отдельных групп мероприятий являются в среднем относительно более высокими, чем те, которые мы наблюдали для отдельных ценностей. Так, в одной из ключевых групп мероприятий — «обеспечение безопасности» — мы видим не только преимущественный рост упоминаемости отдельных

их видов, но и увеличение числа отдельных мероприятий (что является исключением для рассматриваемых документов). Возросла частота упоминания мероприятий «обеспечение безопасности», «обеспечение национальной безопасности», «обеспечение военной безопасности». Относительно малоупотреблявшиеся в рамках документов первой волны мероприятия «реализация национальных интересов» и «обеспечение национального суверенитета» трансформировались в несколько более частые в рамках документов второй волны «обеспечение национальных интересов», «обеспечение ее национальной безопасности»

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

и «обеспечение общественной безопасности». В целом мы видим значительное усиление акцента на мероприятиях данной группы в документах второй волны — их общая упоминаемость возросла более чем в 2,5 раза.

Группа мероприятий «реализация проектов» испытала значительное сокращение форм представления при общем росте числа упоминаний. Исчезли из упоминания такие мероприятия, как «реализация новых проектов», «реализация арктических проектов», «реализация масштабных проектов», «реализация ключевых инвестиционных проектов», «реализация пилотных проектов», при концентрации упоминаемости мероприятий «реализация проектов» и «реализация инвестиционных проектов». Можно в целом говорить о некотором видоизменении исчезнувших мероприятий и их появлении в более концентрированном по упоминаемости виде в мероприятиях «реализация экономических проектов», «реализация новых инвестиционных проектов» и «реализации крупных инвестиционных проектов». Данную группу мероприятий в рамках выявления аспектов трансформации целесообразно рассматривать вместе со связанными по содержанию группами «привлечение инвестиций», «государственная поддержка», а также с совокупностью исчезнувших групп мероприятий, ориентированных на отдельные направления экономического развития, таких как «обеспечение экономического развития», «создание опорных зон», «обеспечение перевозок» и т. д. В рамках их анализа мы видим общее сокращение описываемых направлений развития при концентрации внимания на сфере привлечения инвестиций и поддержке хозяйственной деятельности. Так, например, в документах второй волны появились и стали достаточно часто упоминаемы мероприятия «государственная поддержка деятельности», «государственная поддержка предпринимательской деятельности», «государственная поддержка традиционной хозяйственной деятельности» и ряд других мероприятий, связанных со стимулированием предпринимательской активности. Практически не представленный в документах первой волны аспект привлечения инвестиций становится одним из основных в документах второй волны, выражаясь в достаточно часто упоминаемых мероприятиях «привлечение инвестиций», «привлечение внебюджетных инвестиций» и т. д.

При этом значительное сокращение испытали различные виды мероприятий в группах «строительство флота», «освоение месторождений», «международное сотрудничество» и «сохранение природной среды». Это сокращение сопровождалось сужением спектра отдельных предполагаемых

мероприятий. Так, например, в группе «строительство флота», представленной разнообразными мероприятиями в документах первой волны (например, «строительство флота», «строительство судов», «строительство ледоколов», «строительство природоохранного флота», «создание плавучей обсерватории»), в документах второй волны осталось лишь одно мероприятие с возросшей, но все же с гораздо меньшей относительной частотой упоминания, чем в совокупности указанных выше мероприятий, — «строительство флота». Группа «освоение месторождений» также представляет пример весьма значительного сокращения как частоты упоминания, так и разнообразия предполагаемых мероприятий. На смену 15 в той или иной степени различных мероприятий в документах второй волны пришли 4, с одним новым мероприятием, представляющим небольшое уточнение направления добычи природного газа («освоение газовых месторождений»).

Высокое значение коэффициента Брея — Кёртиса в группе «использование технологий» определяется в том числе резким сокращением числа различных мероприятий: с 11 в стратегических документах первой волны до 2 в документах второй волны. Широкий спектр направлений, представленный «внедрением инновационных технологий», «созданием отечественных технологий», «созданием полноценной инновационной инфраструктуры» и т. д., сократился до базовых и суженных по своему функционалу «использование технологий» и «внедрение технологий». Как и в большинстве других групп, мы видим сокращение общего набора мероприятий при концентрации упоминания в нескольких базовых или приоритетных.

Сопоставление произошедших трансформаций в ценностях и мероприятиях

Следующей задачей является сопоставление трансформационных изменений, произошедших в ценностях и мероприятиях в рамках перехода от стратегических документов первой волны к стратегическим документам второй волны. Сразу следует отметить существенно большее значение коэффициента Брея — Кёртиса в рамках трансформационных изменений первого порядка, произошедших в мероприятиях по сравнению с ценностями (для первых значение составляет 0,44, для вторых — 0,22).

В рамках анализа ценностей можно выделить тенденцию усиления ряда ключевых из них (увеличилась относительная частота упоминания ключевых ценностей «безопасность», «образование», «жизнь») и укрепления нескольких второстепенных («стратегический интерес», «доступность») при

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

общем сокращении набора ценностей. Наибольшее сокращение произошло в рамках ценности «гражданское общество», а относительный рост — в рамках ценности «доступность». В трансформационных изменениях второго порядка (изменение набора и представленности частных форм той или иной ценности) мы видим преобладающую тенденцию концентрации смыслов в нескольких основных формах представления «внутри» ценностей. Так, например, в рамках ценности «безопасность» мы видим снижение дифференцированности по частным формам, относимым к различным сферам экономики и социума, и их сокращение (в документах второй волны исчезли формы «радиационная безопасность», «энергетическая безопасность», «гидрометеорологическая безопасность» и др.) в пользу приоритетных форм — «военная безопасность» и «национальная безопасность». Заметен сдвиг в сторону форм ценностей, имеющих, во-первых, большее отношение к национальным интересам, во-вторых, обладающих более операционализированным и менее описательным характером. Можно говорить о некотором смещении акцентов с условий и качественных аспектов реализации ценностей в сторону количественных аспектов (например, для ценности «жизнь» характерно смещение акцентов с уровня жизни в сторону ее продолжительности).

В рамках мероприятий наиболее значимой тенденцией является рост относительной упоминаемости аспектов, связанных с обеспечением безопасности, реализацией проектов, государственной поддержкой экономических субъектов и привлечением инвестиций. Прослеживается общее сокращение групп мероприятий. Например, исчезли такие группы, как «совершенствование нормативной базы», «энергосбережение и ВИЭ», «создание опорных зон» и ряд других. В рамках трансформационных изменений второго порядка именно в приоритетных сферах документов второй волны («обеспечение безопасности», «государственная поддержка экономических субъектов» и «привлечение инвестиций») мы видим расширение перечня мероприятий, что является исключением и противостоит преобладающей тенденции сокращения набора мероприятий в группах. Имея схожую тенденцию с трансформациями первого порядка, данное сокращение в целом сочетается с повышением концентрации внимания на нескольких приоритетных мероприятиях внутри групп. Заметен сдвиг от непосредственного государственного участия и финансирования к более рыночным регулятивным механизмам, созданию условий и стимулированию. При этом значительно сужается международное сотрудничество, одним из немногих аспектов остается привлечение

иностраных инвестиций. Схожая тенденция сужения наблюдается в рамках экологических аспектов и технологического развития. В последнем акцент смещается с создания и внедрения технологий к их использованию. В этой же сфере научно-технического развития мы видим конкретизацию мероприятий и их концентрацию на создании подводной волоконно-оптической линии. В целом заметен переход от мероприятий в области освоения месторождений к более широкому контексту реализации экономических проектов.

В рамках сопоставления трансформаций в области ценностей и мероприятий заметна однонаправленность в области повышения внимания к ценности «безопасность» в ее военном и государственном аспектах. При этом возрастание упоминания данной ценности на 30 % сопровождается увеличением упоминаемости мероприятий данной группы в 2,5 раза. В рамках других ценностей и мероприятий сопоставленность трансформаций не носит такого явного характера. Возрастание внимания к ценности «жизнь» сопровождается появлением новых групп мероприятий «медицинская помощь», «социальное развитие» и значительным увеличением упоминаемости мероприятий группы «аварийно-спасательная деятельность», хотя, разумеется, данные мероприятия не исчерпывают всех форм и аспектов данной ценности. Закономерно, что для создания условий жизнедеятельности важнейшее значение имеет реализация инфраструктурных и экономических проектов. В данной сфере мы видим значимое смещение фокуса мероприятий с непосредственно государственного финансирования в сторону рыночных регулятивных механизмов, создания условий и стимулирования хозяйственной деятельности. В то же время возрастание внимания к ценности «образование» не подкрепляется соответствующими мероприятиями в рамках текстов стратегических документов, а сопровождается даже определенным снижением их упоминаемости в документах второй волны. Достаточно широкая по своему значению ценность «доступность» фактически тоже должна рассматриваться в контексте создания условий жизнедеятельности и в определенной степени может быть связана с мероприятиями в области «создания инфраструктуры». Последние носят более дифференцированный характер в документах второй волны и включают в себя развитие инфраструктуры, ориентированной не только на нужды бизнеса и оборонного ведомства, но и населения.

Определенное противоречие в трансформации ценностей и мероприятий прослеживается, на наш взгляд, в рамках исчезновения в документах второй волны упоминания ценностей «доход», «труд»,

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

«занятость» и «гражданское общество» и усилении внимания в рамках мероприятий к привлечению инвестиций, государственной поддержке хозяйственной деятельности и предпринимательства, созданию рабочих мест.

Выводы и дискуссия

Рассмотрение трансформационных изменений в рамках ценностей и мероприятий в стратегических документах развития российской Арктики первой и второй волн позволило сделать ряд самодостаточных выводов, которые, тем не менее, будут развиты и расширены в следующей части исследования. Во-первых, среди трансформационных изменений можно выделить основные и вторичные трансформации. Среди ключевых первичных трансформаций в рамках ценностей можно отметить тенденцию усиления ряда из них (увеличилась относительная частота упоминания ценностей «безопасность», «образование», «жизнь») и укрепления нескольких второстепенных («стратегический интерес», «доступность») при общем сокращении набора ценностей. Среди вторичных трансформаций ценностного наполнения мы видим преобладающую тенденцию концентрации смыслов в нескольких основных формах представления «внутри» ценностей. Несмотря на то, что формат стратегических документов допускает достаточно общие формулировки ценностей и направлений развития, заметен сдвиг в сторону форм ценностей, имеющих более операционализированный и менее описательный характер.

Среди ключевых первичных трансформаций в области предполагаемых мероприятий можно отметить рост относительной упоминаемости аспектов, связанных с обеспечением безопасности, реализацией проектов, государственной поддержкой экономических субъектов и привлечением инвестиций. Так же как и при рассмотрении ценностей, для мероприятий прослеживается общее сокращение групп, как правило охватывающих частные и более узкие направления. Отличительной особенностью трансформационных изменений в рамках мероприятий является расширение перечня их отдельных форм в приоритетных сферах (например, «обеспечение безопасности», «государственная поддержка экономических субъектов» и «привлечение инвестиций»). В неприоритетных сферах мы видим тенденцию сокращения набора мероприятий в группах, сочетающуюся с повышением концентрации внимания на нескольких приоритетных мероприятиях внутри групп. В содержательном плане в экономической сфере заметен сдвиг от непосредственного государственного участия и финансирования к более

рыночным регулятивным механизмам, созданию условий и стимулированию предпринимательской активности.

Следует отметить сонаправленность в области повышения внимания к ценности «безопасность» в ее военном и государственном аспектах как в рамках ценностей, так и в рамках мероприятий. В рамках других ценностей и мероприятий сонаправленность трансформаций не носит такого явного характера. В ряде сфер, таких как образование, а также институциональное обеспечение активизации предпринимательской активности и хозяйственной деятельности, наблюдается определенная рассогласованность между динамикой упоминания ценностей и мероприятий. В целом трансформации, наблюдаемые в рамках мероприятий, носят более выраженный характер, что прослеживается как при качественном анализе содержания документов, так и при исчислении значений соответствующих коэффициентов (коэффициента Брея — Кёртиса). На наш взгляд, это естественно, так как мероприятия опосредуют стратегические цели и конкретные условия, что определяет адаптивность управления в изменяющихся внешней и внутренней средах. При этом следует отметить, что при сохранении ценностей должна соблюдаться преемственность мероприятий, изменяющихся в соответствии с динамикой внутренней и внешней обстановки. Это позволит обеспечить последовательность развития. Исследование показало, что в основных направлениях развития эта преемственность соблюдается, однако угрозы, связанные с выпадением из внимания стратегических документов ряда вторичных направлений (как ценностных, так и функциональных), становятся проблемой, открытой для обсуждения. И если для ряда групп мероприятий мы видим фактическую реструктуризацию или увеличение значимости других (как, например, в соотношении групп мероприятий «обеспечение экономического развития» в документах первой волны и групп «привлечение инвестиций», «государственная поддержка», «создание рабочих мест» в документах второй волны), то для ряда других групп мы наблюдаем их полное исчезновение (например, «развитие судостроения», «совершенствование нормативной базы», «энергосбережение и ВИЭ», «создание опорных зон» и др.). Часть групп мероприятий сократилась по причине отказа от некоторых форматов развития, например «создание опорных зон». Ослабление внимания к другим группам мероприятий отчасти может быть связано с развитием нормативно-правовой базы реализации программных документов,

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

например законодательства в области поддержки предпринимательской деятельности, наблюдаемого с 2019 г., а также с его использованием в рамках стратегических документов второй волны. Однако, на наш взгляд, развитие вспомогательной нормативно-правовой базы реализации стратегических документов не отменяет необходимости корректного и сбалансированного расставления акцентов в самих стратегических документах.

Практические рекомендации по результатам исследования заключаются в следующих мерах по совершенствованию документов стратегического планирования развития российской Арктики:

— обеспечение соответствия между ценностями и мероприятиями в таких направлениях, как образование и создание институциональных условий широкого спектра для развития предпринимательства;

— сохранение преемственности ценностей в области гражданского общества, труда, доходов и занятости населения;

— нивелирование дисбаланса в ценностном наполнении стратегических документов,

уравновешивание аспектов национальной безопасности и условий жизнедеятельности.

Вклад исследования в изучение процессов и документов стратегического планирования развития российской Арктики заключается в углубленном анализе смыслового (семантического) наполнения данных документов с выявлением ценностных и функциональных аспектов на качественно новом уровне. Данный вклад расширит аналитическую базу дальнейшего совершенствования программных и стратегических документов развития АЗРФ, а также связанного с ними законодательства.

В рамках направлений будущих исследований предлагается сопоставление трансформаций в семантике функционального и результативного наполнения документов стратегического планирования развития российской Арктики, а также дальнейшее сравнение полученных оценок с данными о результативности мероприятий, прописанных в стратегических документах. Реализация указанных задач позволит говорить о завершенности и системности реализации стратегических приоритетов в условиях изменяющихся обстоятельств.

Список источников

1. Тебекин А. В. Интегральный взгляд на формирование стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года // Теоретическая экономика. 2021. № 10 (82). С. 13–26. https://doi:10.52957/22213260_2021_10_13.
2. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: монография / под науч. ред. В. А. Крюкова, Т. П. Скуфьиной, Е. А. Корчак. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2020. 245 с. <https://doi:10.37614/978.5.91137.416.7>.
3. Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов: монография / под науч. ред. Т. П. Скуфьиной, Е. А. Корчак. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2021. 209 с.
4. Скуфья Т. П. Нормативно-правовое регулирование развития российского Севера и Арктики // Фундаментальные исследования. 2016. № 9–2. С. 424–428.
5. Зайков К. С., Кондратов Н. А., Липина С. А., Бочарова Л. К. Организационные механизмы реализации политики России в Арктике в XXI в. // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 75–109. <https://doi:10.37482/issn2221-2698.2020.39.75>.
6. Волков А. Д., Тишков С. В., Никитина А. С. Эволюция механизмов управления экономическим пространством российской Арктики: современный этап // *Ars Administrandi*. 2022. Т. 14, № 2. С. 174–201. <https://doi:10.17072/2218-9173-2022-2-174-201>.
7. Koshkin V. New developments in the regulations of the Arctic Zone of the Russian Federation: Continuity and change // *The Polar Journal*. 2020. Vol. 10, № 2. P. 443–458. <https://doi:10.1080/2154896X.2020.1848711>.
8. Блануца В. И. Пространственное развитие Арктической зоны России: анализ двух стратегий // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11, № 1. С. 111–121. <https://doi:10.25283/2223-4594-1-111-121>.
9. Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology. Sage publications, 2019. 472 p. <https://doi:10.4135/9781071878781>.
10. Bengtsson M. How to plan and perform a qualitative study using content analysis // *NursingPlus Open*. 2016. No. 2. P. 8–14. <https://doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001>.
11. Lane R., Kronsell A., Reynolds D., Raven R., Lindsay J. Role of local governments and households in low-waste city transitions // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2024. Vol. 52. 100879. <https://doi:10.1016/j.eist.2024.100879>.

12. Moser-Plautz B. Barriers to digital government and the COVID-19 crisis — A comparative study of federal government entities in the United States and Austria // *International Review of Administrative Sciences*. 2024. Vol. 90, Issue 2. P. 402–418. <https://doi:10.1177/00208523231183566>.
13. Ratanaburi N., Alade T., Saçlı F. Effects of stakeholder participation on the quality of bicycle infrastructure. A case of Rattanakosin bicycle lane, Bangkok, Thailand // *Case Studies on Transport Policy*. 2021. Vol. 9, Issue 2. P. 637–650. <https://doi:10.1016/j.cstp.2021.03.002>.
14. DePaula N., Dincelli E., Harrison T. M. Toward a typology of government social media communication: Democratic goals, symbolic acts and self-presentation // *Government Information Quarterly*. 2018. Vol. 35, Issue 1. P. 98–108. <https://doi:10.1016/j.giq.2017.10.003>.
15. Stone J. A., Hakan C. S. Factors influencing tweet purposes and citizen engagement with municipal Twitter accounts // *Online Information Review*. 2021. Vol. 45, No. 3. P. 501–516. <https://doi:10.1108/OIR-05-2020-0175>.
16. Roengtam S., Nurmandi A., Almarez D. N., Kholid A. Does social media transform city government? A case study of three ASEAN cities: Bandung, Indonesia, Iligan, Philippines and Pukhet, Thailand // *Transforming Government People Process and Policy*. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 343–376. <https://doi:10.1108/TG-10-2016-0071>.
17. Evans L., Franks P., Chen H. M. Voices in the Cloud: Social media and trust in Canadian and U.S. local governments // *Records Management Journal*. 2018. Vol. 28, No. 1. P. 18–46. <https://doi.org/10.1108/RMJ-11-2016-0041>.
18. Rodrigues J. d. L., Gomes S. C., Borges F. Q. Electronic participation via Facebook: the potential from Brazilian municipalities // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2021. Vol. 15, No. 4. P. 442–462. <https://doi:10.1108/TG-06-2019-0049>.
19. Stone J. A., Flanders K. J., Robles P., Can S. H. Strategic measurement and evaluation of municipal social media: insight from front-line personnel in the United States // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2024. Vol. 18, No. 1. P. 103–117. <https://doi:10.1108/TG-07-2023-0090>.
20. Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector // *Government Information Quarterly*. 2013. Vol. 30, No. 4. P. 327–334. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.05.015>.
21. Purbokusumo Y., Santoso A. D. Predictor for local government social media use in Indonesia // *Digital Policy, Regulation and Governance*. 2021. Vol. 23, No. 6. P. 533–552. <https://doi.org/10.1108/DPRG-12-2018-0082>.
22. DePaula N., Dincelli E. Information strategies and affective reactions: How citizens interact with government social media content // *First Monday*. 2018. Vol. 23, No. 4. <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v23i4.8414>.
23. Zhang Y., Chen L., Xie M. How do NPOs' topics and moral foundations in gun-related issues influence public engagement on Twitter? // *Internet Research*. 2024. <https://doi.org/10.1108/INTR-11-2022-0909>.
24. Beelitz A., Merkl-Davies D. M. Discursive framing in private and public communication by pro-nuclear corporate, political and regulatory actors following the Fukushima disaster // *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2019. Vol. 32, No. 5. P. 1585–1614. <https://doi.org/10.1108/AAAJ-05-2017-2928>.
25. Лапенкова Н. В., Побываев С. А., Золотарев Е. В. Апробация разработанной методики компаративного анализа на примере зарубежных и отечественных документов стратегического планирования в области энергетической безопасности // *Вопросы безопасности*. 2021. № 4. С. 11–29. <https://doi:10.25136/2409-7543.2021.4.36382>.
26. Сургуладзе В. Ш. Идеологическое измерение стратегии национальной безопасности Российской Федерации: сравнительный анализ документов 2015 и 2021 годов // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022. № 12 (1). С. 60–69. <https://doi:10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69>.
27. Рослякова Н. А., Митрофанова И. В., Каневский Е. А., Боярский К. К. Особенности социально-экономического развития регионов Севера и Юга России: методика полуавтоматического анализа документов стратегического планирования // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2023. Т. 26, № 3 (81). С. 61–77. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.004>.
28. Ordóñez Barona C., Denis A. S., Jung J., Bassett C. G., Delagrance S., Duinker P., Conway T. A content analysis of urban forest management plans in Canada: Changes in social-ecological objectives over time // *Landscape and Urban Planning*. 2024. Vol. 251. 105154. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2024.105154>.
29. Сурнина Н. М., Шишкина Е. А., Дьячков А. Г. Сбалансированность стратегического планирования пространственных инфраструктурных систем // *Journal of New Economy*. 2019. Т. 20, № 5. С. 75–91. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-5-5>.
30. Ferrod R., Bondarenko D. A., Audrito D., Siragusa G. Pairing EU directives and their national implementing measures: A dataset for semantic search // *Computer Law & Security Review*. 2023. Vol. 51. 105862. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105862>.

31. Harris P., Kent J., Sainsbury P., Thow A. M. Framing health for land-use planning legislation: A qualitative descriptive content analysis // *Social Science & Medicine*. 2016. Vol. 148. P. 42–51. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.11.029>.
32. Guo M., Li Q., Wu C., Le Vine S., Ren G. Content analysis of Chinese cities' Five-Year Plan transport policy documents // *Case Studies on Transport Policy*. 2023. Vol. 13. 101055. <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2023.101055>.
33. Wang L., Cai K., Song Q., Zeng X., Yuan W., Li J. How effective are WEEE policies in China? A strategy evaluation through a PMC-index model with content analysis // *Environmental Impact Assessment Review*. 2025. Vol. 110. 107672. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2024.107672>.
34. Liu F., Tang J., Rustam A., Liu Z. Evaluation of the central and local power batteries recycling policies in China: A PMC-Index model approach // *Journal of Cleaner Production*. 2023. Vol. 427. 139073. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139073>.
35. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective // *PeerJ Computer Science*. 2016. 2:e93. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.
36. Kaufman A., Kraft P., Sen M. Machine Learning Text Data and Supreme Court Forecasting // Официальный сайт Aaron R. Kaufman. 2017. P. 1–15. URL: https://www.aaronkaufman.com/wp-content/uploads/2016/06/Supreme_Court_Prediction_v17.pdf.
37. Liu Z., Chen H. A predictive performance comparison of machine learning models for judicial cases // *IEEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI)*. 2017. P. 1–6. <https://doi.org/10.1109/SSCI.2017.8285436>.
38. Thomas A., Varghese A. K., Alex P. L., Mathews B. J., Dhanya L. K. Analysis of Machine Learning Algorithms for Predicting the Suitable Career After High School // *Proceedings of Third International Conference on Communication, Computing and Electronics Systems*. 2022. Vol. 844. P. 89–105. https://doi.org/10.1007/978-981-16-8862-1_7.
39. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // *Арктика: экология и экономика*. 2022. Т. 12, № 1. С. 111–122. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122>.
40. Гресь Р. А., Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Арктическая специфика в стратегиях арктических муниципалитетов // *Известия Русского географического общества*. 2022. Т. 154, № 1. С. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0869607122010037>.
41. Боярский К. К., Каневский Е. А. Нелокальные семантические связи в русскоязычных текстах // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2018. Т. 18, № 5. С. 863–869. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2018-18-5-863-869>.
42. Боярский К. К., Каневский Е. А. Семантико-синтаксический парсер SEMSIN // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2015. Т. 15, № 5. С. 869–876. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2015-15-5-869-876>.

References

1. Tebekin A. V. Integral'nyi vzglyad na formirovanie strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda [An integral view on the formation of a strategy for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030]. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economics], 2021, no. 10 (82), pp. 13–26. https://doi.org/10.52957/22213260_2021_10_13. (In Russ.).
2. *Ekonomika sovremennoy Arktiki: v osnove uspekhov effektivnoe vzaimodeystvie i upravlenie integral'nymi riskami* [Economy of the Modern Arctic: Effective Interaction and Integral Risk Management as Keys to Success]. Ed. by V. A. Kryukov, T. P. Skufina, and E. A. Korchak. Apatity, Publishing House of the Kola Center of the Russian Academy of Sciences, 2020, 245 p. <https://doi.org/10.37614/978.5.91137.416.7>. (In Russ.).
3. *Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiiskoi Arktiki s uchetom geopoliticheskikh, makroekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineral'no-syr'evykh faktorov* [Socioeconomic trends and prospects for the development of the Russian Arctic taking into account geopolitical, macroeconomic, environmental, and mineral resource factors: A monograph]. Ed. by T. P. Skufina, E. A. Korchak. Apatity, Publishing House of the Kola Center of the Russian Academy of Sciences, 2021, p. 209. (In Russ.).
4. Skufina T. P. Normativno-pravovoe regulirovanie razvitiya rossiyskogo Severa i Arktiki [Normative-Legal Regulation of the Development in the Russian North and Arctic]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2016, vol. 9 (2), pp. 424–428. (In Russ.).
5. Zaikov K. S., Kondratov N. A., Lipina S. A., Bocharova L. K. Organizatsionnye mekhanizmy realizatsii politiki Rossii v Arktike v XXI v. [Organizational mechanisms for implementing Russia's Arctic strategy in the 21st century]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 75–109. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.75>. (In Russ.).

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

6. Volkov A. D., Tishkov S. V., Nikitina A. S. Evolyutsiya mekhanizmov upravleniya ekonomicheskim prostranstvom rossiyskoy Arktiki: sovremennyy etap [Evolution of Economic Management Mechanisms in the Russian Arctic: The Present Stage]. *Ars Administrandi* [Ars Administrandi], 2022, vol. 14, no. 2, pp. 174–201. <https://doi:10.17072/2218-9173-2022-2-174-201>. (In Russ.).
7. Koshkin V. New developments in the regulations of the Arctic Zone of the Russian Federation: Continuity and change. *The Polar Journal*, 2020, Vol. 10, no 2, pp. 443–458. <https://doi:10.1080/2154896X.2020.1848711>.
8. Blanutsa V. I. Prostranstvennoe razvitie Arkticheskoi zony Rossii: analiz dvukh strategiy [Spatial development of the Russian Arctic Zone: Analysis of two strategies]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2021, Vol. 11, no. 1, pp. 111–121. <https://doi:10.25283/2223-4594-2021-1-111-121>. (In Russ.).
9. Krippendorff K. *Content analysis: An introduction to its methodology*. Sage publications, 2019, 472 p. <https://doi:10.4135/9781071878781>.
10. Bengtsson M. How to plan and perform a qualitative study using content analysis. *NursingPlus Open*, 2016, no. 2, pp. 8–14. <https://doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001>.
11. Lane R., Kronsell A., Reynolds D., Raven R., Lindsay J. Role of local governments and households in low-waste city transitions. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, 2024, Vol. 52, 100879. <https://doi:10.1016/j.eist.2024.100879>.
12. Moser-Plautz B. Barriers to digital government and the COVID-19 crisis — A comparative study of federal government entities in the United States and Austria. *International Review of Administrative Sciences*, 2024, Vol. 90, Issue 2, pp. 402–418. <https://doi:10.1177/00208523231183566>.
13. Ratanaburi N., Alade T., Saçlı F. Effects of stakeholder participation on the quality of bicycle infrastructure. A case of Rattanakosin bicycle lane, Bangkok, Thailand. *Case Studies on Transport Policy*, 2021, Vol. 9, Issue 2, pp. 637–650. <https://doi:10.1016/j.cstp.2021.03.002>.
14. DePaula N., Dincelli E., Harrison T. M. Toward a typology of government social media communication: Democratic goals, symbolic acts and self-presentation. *Government Information Quarterly*, 2018, Vol. 35, Issue 1, pp. 98–108. <https://doi:10.1016/j.giq.2017.10.003>.
15. Stone J. A., Hakan C. S. Factors influencing tweet purposes and citizen engagement with municipal Twitter accounts. *Online Information Review*, 2021, Vol. 45, no. 3, pp. 501–516. <https://doi:10.1108/OIR-05-2020-0175>.
16. Roengtam S., Nurmandi A., Almarez D. N., Kholid A. Does social media transform city government? A case study of three ASEAN cities: Bandung, Indonesia, Iligan, Philippines and Pukhet, Thailand. *Transforming Government People Process and Policy*, 2017, Vol. 11, no. 3, pp. 343–376. <https://doi:10.1108/TG-10-2016-0071>.
17. Evans L., Franks P., Chen H. M. Voices in the Cloud: Social media and trust in Canadian and U. S. local governments. *Records Management Journal*, 2018, Vol. 28, no. 1, pp. 18–46. <https://doi.org/10.1108/RMJ-11-2016-0041>.
18. Rodrigues J. d. L., Gomes S. C., Borges F. Q. Electronic participation via Facebook: the potential from Brazilian municipalities. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 2021, Vol. 15, no. 4, pp. 442–462. <https://doi:10.1108/TG-06-2019-0049>.
19. Stone J. A., Flanders K. J., Robles P., Can S. H. Strategic measurement and evaluation of municipal social media: insight from front-line personnel in the United States. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 2024, Vol. 18, no. 1, pp. 103–117. <https://doi:10.1108/TG-07-2023-0090>.
20. Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector. *Government Information Quarterly*, 2013, Vol. 30, no. 4, pp. 327–334. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.05.015>.
21. Purbokusumo Y., Santoso A. D. Predictor for local government social media use in Indonesia. *Digital Policy, Regulation and Governance*, 2021, Vol. 23, no. 6, pp. 533–552. <https://doi.org/10.1108/DPRG-12-2018-0082>.
22. DePaula N., Dincelli E. Information strategies and affective reactions: How citizens interact with government social media content. *First Monday*, 2018, Vol. 23, no. 4. <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v23i4.8414>.
23. Zhang Y., Chen L., Xie M. How do NPOs' topics and moral foundations in gun-related issues influence public engagement on Twitter? *Internet Research*, 2024. <https://doi.org/10.1108/INTR-11-2022-0909>.
24. Beelitz A., Merkl-Davies D. M. Discursive framing in private and public communication by pro-nuclear corporate, political and regulatory actors following the Fukushima disaster. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 2019, Vol. 32, no. 5, pp. 1585–1614. <https://doi.org/10.1108/AAAJ-05-2017-2928>.
25. Lapenkova N. V., Pobyvaev S. A., Zolotarev E. V. Aprobatsiya razrabotannoi metodiki komparativnogo analiza na primere zarubezhnykh i otechestvennykh dokumentov strategicheskogo planirovaniya v oblasti energeticheskoi bezopasnosti [Testing a methodology of comparative analysis on national and international strategic documents in the sphere of energy security]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], 2021, no. 4, pp. 11–29. <https://doi:10.25136/2409-7543.2021.4.36382>. (In Russ.).

26. Surguladze V. Sh. Ideologicheskoe izmerenie strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: Sravnitel'nyi analiz dokumentov 2015 i 2021 godov [The ideological dimension of the national security strategy of the Russian Federation: A comparative analysis of the documents of 2015 and 2021]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2022, no. 12 (1), pp. 60–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69>. (In Russ.).
27. Roslyakova N. A., Mitrofanova I. V., Kanevsky E. A., Boyarsky K. K. Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Severa i Yuga Rossii: metodika poluavtomaticheskogo analiza dokumentov strategicheskogo planirovaniya [Features of socio-economic development in the Russian North and South: A methodology for semi-automatic analysis of strategic planning documents]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 2, pp. 61–77. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.004>. (In Russ.).
28. Ordóñez Barona C., Denis A. S., Jung J., Bassett C. G., Delagrangé S., Duinker P., Conway T. A content analysis of urban forest management plans in Canada: Changes in social-ecological objectives over time. *Landscape and Urban Planning*, 2024, Vol. 251, 105154. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2024.105154>.
29. Surnina N. M., Shishkina E. A., Dyachkov A. G. Sbalansirovannost' strategicheskogo planirovaniya prostranstvennykh infrastrukturykh sistem [Balances in strategic planning of the spatial infrastructure systems]. *Journal of New Economy*, 2019, Vol. 20, no. 5, pp. 75–91. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-5-5>.
30. Ferrod R., Bondarenko D. A., Audrito D., Siragusa G. Pairing EU directives and their national implementing measures: A dataset for semantic search. *Computer Law & Security Review*, 2023, Vol. 51, 105862. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105862>.
31. Harris P., Kent J., Sainsbury P., Thow A. M. Framing health for land-use planning legislation: A qualitative descriptive content analysis. *Social Science & Medicine*, 2016, Vol. 148, pp. 42–51. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.11.029>.
32. Guo M., Li Q., Wu C., Le Vine S., Ren G. Content analysis of Chinese cities' Five-Year Plan transport policy documents. *Case Studies on Transport Policy*, 2023, Vol. 13, 101055. <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2023.101055>.
33. Wang L., Cai K., Song Q., Zeng X., Yuan W., Li J. How effective are WEEE policies in China? A strategy evaluation through a PMC-index model with content analysis. *Environmental Impact Assessment Review*, 2025, Vol. 110, 107672. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2024.107672>.
34. Liu F., Tang J., Rustam A., Liu Z. Evaluation of the central and local power batteries recycling policies in China: A PMC-Index model approach. *Journal of Cleaner Production*, 2023, Vol. 427, 139073. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139073>.
35. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoțiuc-Pietro D., Lampsos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing Perspective. *PeerJ Computer Science*, 2016, 2:e93. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.
36. Kaufman A., Kraft P., Sen M. Machine Learning Text Data and Supreme Court Forecasting. Aaron R. Kaufman official site, 2017, pp. 1–15. Available at: https://www.aaronrkaufman.com/wp-content/uploads/2016/06/Supreme_Court_Prediction_v17.pdf.
37. Liu Z., Chen H. A predictive performance comparison of machine learning models for judicial cases. *IEEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI)*, 2017, pp. 1–6. <https://doi.org/10.1109/SSCI.2017.8285436>.
38. Thomas A., Varghese A. K., Alex P. L., Mathews B. J., Dhanya L. K. Analysis of Machine Learning Algorithms for Predicting the Suitable Career After High School. *Proceedings of Third International Conference on Communication, Computing and Electronics Systems*, 2022, Vol. 844, pp. 89–105. https://doi.org/10.1007/978-981-16-8862-1_7.
39. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Vyzovy i protivorechiya v razvitii Severa i Arktiki: demograficheskoe izmerenie [Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: Demographic dimension]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2022, Vol. 12, no. 1, pp. 111–122. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122>. (In Russ.).
40. Gres R. A., Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K. Arkticheskaya spetsifika v strategiyakh arkticheskikh munitsipalitetov [Arctic specific in Arctic Municipal Strategies]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], 2022, Vol. 154, no. 1, pp. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0869607122010037>. (In Russ.).
41. Boyarsky K., Kanevsky E. Nelokal'nye semanticheskie svyazi v russkoyazychnykh tekstakh [Features of non-local semantic links in Russian texts]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2018, Vol. 18, no. 5, pp. 863–869. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2018-18-5-863-869>. (In Russ.).
42. Boyarsky K. K., Kanevsky E. A. Semantiko-sintaksicheskii parser SEMSIN [SEMSIN semantic and syntactic parser]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2015, Vol. 15, no. 5, pp. 869–876. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2015-15-5-869-876>. (In Russ.).

Об авторах:

А. Д. Волков — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
Н. А. Рослякова — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
Е. А. Каневский — канд. тех. наук, ведущий научный сотрудник;
К. К. Боярский — канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник.

About the authors:

A. D. Volkov — PhD (Economics), Senior Researcher;
N. A. Roslyakova — PhD (Economics), Senior Researcher;
E. A. Kanevsky — PhD (Engineering), Lead Researcher;
K. K. Boyarsky — PhD (Physics and Mathematics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2024 года.

Статья принята к публикации 20 ноября 2024 года.

The article was submitted on November 11, 2024.

Accepted for publication on November 20, 2024.